

Сергей Ташкенов

От занимательной копрологии к скатологическому эксцессу:

ПРЕДЕЛЫ «НЕКУЛЬТУРНОГО» В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_370

Люин Р.А. Дерьмо: экскурс в научную, культурную и социально-историческую копрологию / Пер. [с англ.] О. Труфанова, Ю. Шутова.

[Б.м.]: CHAOS/PRESS, 2024. — 208 с. — Тираж не указан.

Лапорт Д. История дерьма / [Пер. с фр. и англ.].

[Б. м.]: EΣXATON, 2024. — 148 с. — Тираж не указан.

Художественная культура умела обращаться с неприятными и щекотливыми образами так называемого телесного низа в Средневековье и потом заново училась этому в XX веке. Воспринимать ее, кажется, привык и весомый процент читателей/зрителей. Культурология тоже давно учится работать с подобными темами, но, обзревая работы в этой области, невольно задумываешься, почему их так мало, несмотря на то что философия уже не раз осмысляла чувство отвращения. Как перед исследователем, так и перед читателем возникает этическая и психологическая проблема соприкосновения с «мерзким»: по мысли австрийского исследователя отвращения Ауруля Кольная, «присутствующая в отвратительном гримаса смерти напоминает нам о нашей собственной близости смерти, <...> о том, что мы состоим из обреченной на смерть, <...> готовой к разложению материи»¹. Аналогичную трактовку отвратительному дает Юлия Кристева, называя его абъектом: «Отвратительное ломает стену, выстроенную вытеснением и его суждениями. Оно отсылает мое Я к тем мерзким границам, от которых Я, чтобы обрести существование, отделилось, — оно отсылает к не-Я, к влечению, к смерти»². В такой точке несовместимости притяжения и отторжения находится большинство человеческих выделений: рвота, пот, сперма, моча и, конечно, венец органического творения человека — дерьмо.

Художественная литература с удовольствием использовала богатый метафорический потенциал и арсенал человеческих экскрементов. Например, в первой части романа Владимира Сорокина «Норма» (1979) или в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» (1991) фекальная метафора служит актом политического и социокритического высказывания. Преимущество ее использования сформулировал еще Роман Барт, анализируя тексты маркиза де Сада: «...В письменном виде дерьмо не пахнет; Сад может затоплять им партнеров, мы не ощущаем ни малейшего запаха, лишь абстрактный знак какой-то неприятности»³. Осмысление нечистот культурологией — не только веха в развитии гуманитарных наук, но и важный шаг в развитии культуры как таковой: право и смелость говорить о неудобном, об «абъектном», о том, что на бытовом уровне психика, экзистенциально защищаясь, хочет отторгнуть, смыть в ватерклозете, закопать, забыть, а на политическом — структуры власти пытаются замазать, заретушировать, скрыть, хотя оно кричит из каждого угла.

1 Kolnai A. Ekel. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2007. S. 53.

2 Кристева Ю. Силы ужаса (эссе об отвращении) / Пер. с фр. А. Костиковой. СПб.: Алетейя, 2019. С. 51.

3 Барт Р. Сад, Фурье, Лойола / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. С. 178.

Культурология училась смотреть на дерьмо с 1960-х годов, начиная постепенно и осторожно: сперва приглядывалась к богатому разнообразию мира уборных⁴, затем — к практике клизмы и ее месту в культуре⁵, пока не подобралась наконец к ключевому компоненту всех этих явлений. Интерес российских гуманитарных издательств, восполняющих пробелы советской цензурной эпохи, к исследованиям на темы «неудобные», «абъектные», несомненно, растет в последний десяток лет⁶. Знаковым в плане копрологического дискурса гуманитарных наук можно считать изданный в 2021 году сборник выступлений Ильи Зданевича с гордо вынесенным на обложку названием его парижского доклада «Дом на говне» (1922)⁷. Сопоставляя под влиянием Фрейда «фаллического» Пушкина и «анального» Тютчева, Зданевич обращается к «эротике пищеварения и испражнений» (с. 90), чтобы описать отношения российской интеллигенции с имперской Россией (тем самым «домом»); использование фекальной образности служит ему, с одной стороны, методом высвобождения языка, «голого слова со всеми его интимными прелестями» (с. 85), с другой — выражением собственной интеллектуальной свободы: «Я узнаю своих по бесформенности и по запаху» (с. 141).

Пройдет три года, и российский книжный рынок обогатится сразу двумя переводными изданиями, предлагающими два разных подхода к феномену дерьма.

Книга 1999 года «Дерьмо» вышла в переводе на русский в 2024-м стараниями издательства CHAOS/PRESS, отдающего предпочтение текстам неконформным, провокационным, в абстрактном смысле анархическим⁸. Подзаголовок «Экскурс в научную, культурную и социально-историческую копрологию» в целом верно передает содержание книги; в нем обращают на себя внимание два понятия: «экскурс» и «копрология». Первое указывает на жанровую направленность, второе — на предметную.

С одной стороны, автор, Ральф Арнольд Люин (1921–2008), был морским биологом и альгологом, поэтому его подход к *merde* в первую очередь научно-фактический, о чем он сразу заявляет в предисловии: «Я попытался разграничить копрологические дисциплины, отделив исследование фекалий от скатологических материалов, которые обычно воспринимаются как обценные. Я нахожу первое интересней» (с. 13). Что это значит? Основной предмет его наблюдений прост в своей физиологичности и повседневности: животный (в широком смысле слова) кал как органика, как «остаточный продукт, часто опрятно упакованный» (там же) и обладающий фиксируемыми характеристиками и функциями. Дерьмо в социологическом и,

- 4 Wright L. Clean an Decent: The Fascinating History of the Bathroom & the Water Closet. London: Routledge & Kegan Paul, 1960.
- 5 Zglinicki F. v. Kallipygos und Askulap. Das Klistier in der Geschichte der Medizin, Kunst und Literatur. Baden-Baden: Verlag für angewandte Wissenschaften, 1972.
- 6 Например: Вудард Б. Динамика слизи: зарождение, мутация и ползучесть жизни / Пер. с англ. Д. Хамис. Пермь: Гиле Пресс, 2016; Ведлх С. Книга слизи: скользкий след в истории земли / Пер. с нем. А. Костиковой. М.: АСТ, 2023.
- 7 См.: Зданевич И. Дом на говне: Доклады и выступления в Париже и Берлине 1921–1926. М.: Гилея, 2021.
- 8 Такое впечатление не может не сложиться, если бегло просмотреть наименования в издательском портфеле: «Отбросы», «Инферно», «Аристотель и портовые шлюхи», «Анархопессимизм» и пр.

шире, культурном и художественном воплощении, то есть в таком, которое способно послужить триггером отвращения, стать «абъектом» и потребовать философии для своей трактовки, поступает в текст периодическими вкраплениями — «этот весьма темный аспект» он затрагивает «лишь вскользь» (с. 17).

С другой стороны, Люин был близок и к филологии: так, будучи профессором-эсперантистом, он перевел на искусственный язык «Винни-Пуха». Вероятно, качественное кембриджское и йельское образование и литературный вкус повлияли на нарратив и стилистический облик работы, которая была «задумана как относительно научный по форме развернутый комментарий в духе *aggiornamento*⁹» (с. 19). Упомянутую «относительность» научности Люин подкрепляет в самом начале первой главы, возводя слова *science* (наука, знание) и *shit* (дерьмо, от стар.-англ. *scitan*) к общему индоевропейскому корню, от которого возник и греческий термин «скатология» (с. 21). Поэтому и вынесенный в подзаголовок «экскурс» следует понимать буквально как отступление от основной темы и освещение побочного вопроса, как чтиво, одновременно и просвещающее, и развлекающее.

В самом начале Люин предупреждает, что будет «избегать ненужных эвфемизмов», «чаще всего рубить с плеча и называть лопату лопатой» (с. 23), однако увлекательная жизнь экскрементов, в изобилии рассыпанных по страницам книги, не вызывает чувства брезгливости — не только потому, что дерьмо, как мы помним, не пахнет на бумаге, будучи словом, но и благодаря художественно-юмористической призме, через которую он пропускает научные и исторические факты, а также примеры фигуративного использования копрологической лексики. За это эстетическое достоинство текста Люина отвечает тонкий английский юмор, который отнюдь не «рубит с плеча», но включает в работу литературное и кинематографическое воображение читателя: например, когда автор описывает «элегантные, закрученные петлями фекальные цепочки, производимые в дикой природе гусеницами молей *Lyonetia*, минирующими листья, хотя они редко обращают на себя внимание путников, пробирающихся сквозь мангровые заросли» (с. 39). В то же время литературная игра не остается холостой, — в частности, в приведенной цитате считается мысль о вездесущности и повсеместности фекалий в жизни ничего об этом не подозревающего человека.

Люин вообще мастерски владеет литературными приемами и авторским голосом. Среди его арсенала тропов и методов выделяется антропоморфизм: «Дрозды-рябинники <...> могут бомбардировать врагов с поразительной точностью» (с. 44). Многие заметки граничат с жанром анекдота: «Предположительно, именно пережитая Карлом Линнеем на севере Скандинавии унижительная бомбежка, учиненная гнездящимися там поморниками, и побудила его присвоить этой грациозной чайкоподобной птице латинское имя *Stercorarius* (буквально это можно перевести как “срун”» (там же). Автор щекочет читательское чувство брезгливости, побочным комментарием заставляя воображать бытовую ситуацию, когда, например, пишет о технологии промывки экскрементов койотов: «Для этого фекалии заворачивают в отрезок нейлонового чулка и кладут в стиральную машину (лучше стирать их отдельно от обычных предметов одежды)» (с. 48). Не обходятся приключения телесного низа и без карнавализации исторических фигур: «Мартин Лютер, страдавший, как известно, хроническими запорами, по слухам, написал многие из своих сочинений, восседая на стульчаке» (с. 86). Люин с одинаковым смаком иронизирует и над своей культурой, и над чужой: будь то поставлявшаяся в британскую армию туалетная бумага, каждый лист которой украшала аббревиатура

9 Осовременивание; обновление (*um.*). Термин используется в контексте Католической церкви.

*O.H.M.S. — ON HIS (HER) MAJESTY'S SERVICE*¹⁰ (с. 101), или советская туалетная бумага, которая «редко отвечает стандартам качества, привычным для Западной Европы (несмотря на “мягкость” российской валюты)» (с. 107).

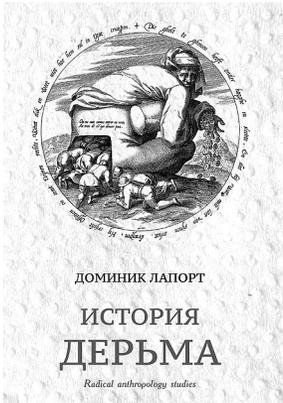
Люин стремительно перемещается между эпохами и национальными культурами, словно подчеркивая вневременную и внациональную «вечность» дерьма. Отходы уравнивают эпохи и цивилизации: так, коровий навоз в традиционных головных уборах невест у масаев ничем не уступает ослиному помету в красках Микеланджело (с. 161–162). Не менее резво автор листает и научные факты. Свое занятие он обобщенно называет «сравнительной копрологией» (с. 15–16), и действительно: Люин трепетно сопоставляет форму, массу, состав, консистенцию, цвет, запах, функции и прочие параметры фекалий — от морских огурцов и хохлатых антилоп до луговых собачек и мух, радостно опорожняющихся на наших окнах. Книга изобилует любопытными фактами, идет ли речь об изучении копролитов летучих мышей на дне океана или о «сборе и утилизации фекалий в условиях нулевой гравитации» (с. 91). Не каждый знает, например, что испражнения клещей — один из главных возбудителей аллергии на домашнюю пыль, а экскременты кровососущих триатомид вызывают определенную форму сонной болезни (с. 158). Помимо того, что автор отказывается от исторической хронологии (рассказ об устройстве современных унитазов и туалетных кабинок, позволяющих выбрать разные позы для справления нужды, может перемежаться вставками о фарфоровых ночных горшках и т.д.), он также перемешивает мир животных и людей: использование экскрементов птицами для заделки повреждений в гнездах гармонично соседствует с добавлением навоза в кровлю деревенских домов в Беларуси.

Деятнадцать отдельных глав книги хотя и очерчивают самостоятельные тематические блоки, но каждая из них представляет собой не линейное раскрытие темы, а скорее коллекцию, мозаику фактов и наблюдений, от языка и мифов до биологии и медицины, в сумме давая яркий калейдоскоп вечной «фекальной рециркуляции» (с. 129). В предисловии автор спрашивает у «Любезного Читателя»: «Что сподвигло тебя купить, одолжить или по крайней мере открыть эту книгу?» (с. 13). Как бы ее название ни обманывало читательских ожиданий, она как минимум способна дать пищу для поверхностных размышлений, а как максимум — запустить процесс раскрепощения речи о якобы непристойном. Люин словно говорит: смотрите, сколько радости можно извлечь из дерьма! Вот на ярмарке в Уэльсе проводится игра «бычий шлепок» (*bull drop*), а вот в Северной Каролине — «какашечное бинго» (*cow-patty bingo*) (с. 193); смотрите, как бесконечны способы его применения, сколько у него вариаций, сколь необъятен этот предмет, ибо он связан с каждым живым существом и, стало быть, «вполне заслуживает того, чтобы обсуждать его на конференциях, или выпускать в его честь почтовые марки, или выделить для него отдельное крыло в каком-нибудь музее современного искусства, или организовать посвященное ему общество по переписке, или — неужели оно того не стоит? — основать “Международный журнал сравнительной копрологии”» (с. 197–198).

Команда издательства *CHAOS/PRESS* ловко подхватила внутренний карнавальный задор книги Люина и, в соответствии с характеристикой, данной Виктором Гюго: «Это, пожалуй, самое прекрасное слово, когда-либо изреченное французом» (с. 13), не только вывела на обложке заглавие красивым курсивом, но и составила интригующий колофон, где наряду с переводчиками, редактором и корректорами названы некие А. Часовски, который «увидел нужный сон», Селена, отвечавшая за «нематериальные эманации слов и вещей», С. Яловик, который «во время поднес бумажку», и др. (с. 207–208).

---

10 «На службе Его (Ее) Величества» (англ.).

В том же году, что и «Дерьмо» Люина, в независимом издательстве «Эсхатон» вышла книга на схожую, казалось бы, тему — «История дерьма» (1978) французского психоаналитика Доминика Лапорта (1949–1984). Русские переводы отдельных ее фрагментов публиковались с 2002 по 2020 год в разных сборниках и на онлайн-платформах — теперь же она существует в виде загадочной отдельной книги без каких-либо выходных данных, если не считать года издания римскими цифрами и маркировки 18+. Примечательно, что название издательства переводится с греческого как «последняя вещь» и означает конечное событие истории. Текст Лапорта можно назвать пусть не конечным, но, безусловно, событием как в истории французской гуманитарной мысли, так и в развитии российской культурологии и философии, в особенности переводной.

Несмотря на номинальную схожесть с «Дерьмом» Люина, книга Лапорта скорее встанет в один ряд с «Домом на говне» Зданевича: *merde* фигурирует в названии всех трех текстов, но лишь в двух из них воплощается в качестве философской идеи и интерпретативной категории. Лапорт хоть и идет исторически более-менее линейно, но постоянно совершает «теоретические скачки» (с. 6), одновременно стремясь и вглубь, и ввысь, и в стороны, — он выстраивает целую дискурсивную сетку, матрицу, в которой можно передвигаться по горизонтальным и вертикальным линиям. Рудольф Эль-Хури в предисловии к англоязычному изданию (2000) трактовал «Историю дерьма» как «историю субъективности» (с. 5), а сам метод Лапорта — как пародию¹¹ на научный дискурс школы Анналов в духе «истории сами-знаете-чего» (с. 135), предвосхищавшую заменяемость предмета в практике культурологических штудий. Пятнадцать лет спустя Оксана Гавришина, также настаивая на пародийности текста Лапорта, опрометчиво приравняла «историю дерьма» к «истории отвращения»¹². Однако мы имеем дело скорее не с пародией, а с провокацией как актом свободы речи о «неудобном» после десяти лет раскрепощения французского поколения 1968 года. Эль-Хури также сравнивал стиль мысли и письма Лапорта с методом «веселой науки» Ницше, видя в нем «попытку вернуть языку его исконное зловоние», но отмечал и «искупительную ценность экскрементального дискурса»: в соединении смеха и мудрости «вспыхивают озарения» (с. 6). Но и здесь скорее возникает желание поставить Лапорта в один ряд с Мишелем Фуко и Жоржем Батаем — как «философа разоблачения», «археолога знаний» и «генеалога истории».

Отправной точкой для рассуждений автору служат два исторических документа: на одну чашу весов он кладет королевский указ от 15 августа 1539 года об использовании «ясного» французского языка в официальных документах «без не-

11 Здесь стоило бы говорить не столько о пародийности, сколько о карнавализации речи, снимающей напряжение академических рамок, как, например, в следующем пассаже: «Вполне возможно, что Королева Виктория была любительницей пердеть по-тихому, однако такое пристрастие царской особы точно не было причиной того, что викторианский Лондон хвастался самыми совершенными писсуарами и отмечал захоронение экскрементов в изысканных уборных» (с. 65).

12 Гавришина О. История дерьма (рецензия) // Ароматы и запахи в культуре: В 2 кн. / Сост. О.Б. Вайнштейн. Изд. 2-е, испр. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 585.

домолвок и смутных мест и без нужды в его толковании», то есть об очищении государственного языка от «мудреных латинских слов» (с. 13), на другую — эдикт от ноября того же года, предписывающий и регламентирующий очищение «чудного города и крепости Париж и предместий, изгаженных нечистотами», «от испражнений», «от заразы и дурного запаха грязи, навоза и прочего мусора» (с. 14). Другими словами, в определенный момент истории происходят устранение варварских явлений из речи через «полицию языка» и утилизация биологических отходов через «политику дерьма», между которыми Лапорт ставит знак аналогии (с. 19). Момент уравнивания обеих чаш весов предстает «точкой отсчета зарождения современного государства» (с. 71), когда оно принимается «тренировать сфинктер общественного организма» (с. 69). Параллельно сформулированная необходимость «дочиста отскребсти» (с. 18) и речь, и город позволяет Лапорту выявить дихотомию языковой и санитарно-экономической политики Возрождения и проследить ее трансформацию: «Гигиенический эдикт 1539 года <...> создал дискурс, действие которого распространилось <...> на другие жизненные сферы» (с. 23). Подобно тому как «политика дерьма» в XVI веке регулировала отходы, превращая их в источник дохода, языковая политика очищала не только язык от отходов варварства¹³, но и книгу — от порчи избытка (каллиграфии, иллюстрации, непроизносимых букв), который лишь «заполняет бумагу» (с. 27): подкрепленная введением печатного станка, она вывела книгу на рынок, а язык, избавленный от избытка, увеличил ее «долю в рынке», стал «общей валютой» (там же).

Регламентация обхождения с продуктами собственной жизнедеятельности (накапливать их дома и вывозить за город) запустила «процесс приватизации отходов», их «одомашнивание»: «...Отходы оседают в доме и, следовательно, в частной сфере» (с. 35). Последствия такого фекального сдвига не только сказываются на внешнем облике и санитарном благополучии общего городского пространства, но и трансформируют как семейные институты (например, повышая порог терпимости к запаху дерьма в семейной среде), так и конституцию самих индивидов, «связывая пристойность с собственностью» (с. 37). Если раньше нужда справлялась на улице, а отходы выбрасывались в окно, то теперь предписано накапливать свои *scybala* (лат. кучи дерьма) дома, а значит, «небольшая куча перед моей дверью — мое дело, бремя и обязанность. Моя, чтобы держать ее под присмотром; моя, чтобы держать ее в уме. Таким образом, политика отбросов приковала субъекта к его телу и послужила прообразом картезианской идеологии “Я”» (с. 37–38).

В историческом процессе отношение к «абъектам» человеческой жизнедеятельности склонно не раз менять полюса. Так было, например, с мочой, которой (если не учитывать практику Древнего Рима) чистили одежду в XV веке, потом ужаснулись инфекционной опасности такого мероприятия, затем вернулись к нему в середине XVI века. Лапорт называет такие переоткрытия «хронической амнезией культуры» (с. 41) и «колебаниями анального воображения цивилизации» (с. 39). Последние затронули и *stercus homini* (лат. дерьмо людское): Возрождение, в частности, вернуло ему ценность в качестве удобрения в сельском хозяйстве, косметология создавала на его основе не только «парфюм»¹⁴, против него же направленный, но и средства омоложения: «Все содержится во всем, каждая вещь содержит как принцип, так и его противоположность. <...> Неприятные запахи превраща-

13 Уже спустя десять лет после Гигиенического эдикта идея нормативного, чистого языка тиражировалась в художественно-теоретических работах, например в трактате «Защита и прославление французского языка» (1549), подписанном Жоашеном дю Белле.

14 Этимологически Лапорт трактует *pare-fumier* как «отгоняющий дерьмо» (с. 20).

ются в духи, а гниение — в золото» (с. 43). С ростом капитализма, все больше сводящего человека к его потребностям, двойственность отношения к человеческим отходам будет только крепнуть, проявляясь «в стремлении мыть те места, где скапливается мусор (то есть в городах и речи)» и «в вере в очищающую ценность отходов» (с. 45). Капиталистический диктат накопления, обработки и использования экскрементов приведет к тому, что зловредность, традиционно приписываемая свежим экскрементам, «просто-напросто испарится в ходе борьбы за скорейшее получение прибыли от земли» (с. 112).

С первых страниц, рассуждая об инструментализации языка и отходов в государственной системе, Лапорт уверенно выстраивает яркую скатологическую метафорику или, если угодно, мифологию: один образ цепляется за другой, порождая новый. Фекальная образность позволяет ему не только переходить из дискурса в дискурс (из градоустройства в литературу, из нее в капитализм, из него в эстетику, затем в сакральность и далее), но и крепко связывать их между собой, показывая весь мир как «гигантскую мировую сральню» (с. 125), потому что лишь в точке пересечения всех дискурсов рождается субъект — плод собственного биологического продукта. Получив насильным образом приватность, скрытность, таинство испражнения и удовлетворения нужды и став таким образом приватным субъектом, всякий житель государства не только обрел свою «уборную» как «убежище», «где с тех пор природа повинуетя своему зову» (с. 53), но и стал частным экономистом — «где было дерьмо, появляется золото» (с. 47): «Уединенное, отвратительное место, где человек тайно ведет свой маленький бизнес, потирая руки, становится в буквальном смысле местом первоначального накопления. <...> Государство, с другой стороны, становится Главным Сборщиком, пожирателем налогов, огромной клоакой, которая управляет всем этим дерьмом, распределяя и очищая его, поручая специальной корпорации собирать его, скрывая свои предприятия от посторонних глаз» (с. 56). Чтобы показать «абсолютно гомогенную связь между гигиенизмом, филантропией и социализмом» (с. 119), Лапорт под конец обратится к идеям социалистического политэконома Пьера Леру, противопоставлявшего тезису Мальтуса о фатальной пропорции роста населения и средств к существованию «истинный закон природы» — «естественный кругооборот, или *circulus*»: «...Тот, кто “справляет нужду”, находится в позе и в положении человека, который может удовлетворить все свои нужды» (с. 123). Постоянное пересечение дискурсов демонстрирует разнонаправленность тенденций в конкретной исторической точке: «В идеальной картине капитализма дерьмо служило исключительно сырьем для производства, но в гигиеническом воображении оно оставалось все той же хтонической первоматерией, которая так завораживала умы предыдущего поколения алхимиков и медиков» (с. 90).

Отношения индивида с государственным тоталитаризмом Лапорт также трактует (и критикует, разоблачает) в понятиях и образах выстраиваемого им скатологического дискурса: если облегчение достигается «ценой зловонной приватности» через «институционализацию септика» (резервуара с фекалиями, отстойника), то «субъект обнаруживает себя здесь в качестве пойманного гуся, нафаршированного дерьмом, которым государство срет ему пряником в рот» (с. 71–72). То же смешение автор наблюдает в погребальной культуре. Поскольку вид и запах экскрементов в реестре абъектов находятся примерно на равных с видом и запахом разлагающегося тела, то на тех же равных правах их следует «держатъ подальше и поглубже» (с. 63). Следовательно, труп, «спасенный от беспорядочной анонимности братской могилы, стал объектом культа», как и индивидуум, он со временем «перестает быть зловонными отбросами и приобретает достоинство реликвии», «разрывает связи с клоакой и становится полезным и бережно хранимым экскре-

ментом» (с. 63–64). От сопутствующего этому украшательству могил и склепов Лапорту уже рукой подать и до уборных, этих «часовен для отходов» (с. 64): «Наша дорога от места упокоения в братской могиле к собственному склепу была вымощена внедрением дискурса, <...> отделившего дерьмо от публичности, <...> перенесшего дерьмо в частную сферу» (с. 70–71).

Если докапиталистическая эпоха говорит о дерьме в терминах отрицания, то затем «императив прибыли распространяется на нужду» (с. 110), и в сознании людей дерьмо переизобретает себя в качестве сырья. Порочную связь грязи и денег Лапорт разоблачает через историю римского права, где она была совершенно четко выражена в «стяжении смысла (*le sens*) и чувств (*les sens*)», в «симпатических связях золота и дерьма», а именно в налоге на мочу и экскременты, называвшиеся дивным словом «золотонос». Это «очистительное, или искупительное, золото» налога взималось также с торговцев и запятнавших себя пороком людей, так что «в тот самый миг, когда ты смоешь свои грехи, твое золото, бывшее прежде зловонным, превратится в девственно чистую силу, которая удалит его запах и собственными устами скажет: “Не пахнет”» (с. 76). Речь здесь не только об унавоживании земли, но и о санитарно-гигиенической революции начала XIX века, искренне уверовавшей в то, что новшествами и изобретениями сможет обеспечить счастливое будущее, и с восторгом фиксировавшейся на телесном низе, и о дискурсе гигиенистов, наделивших дерьмо «бесценным статусом средства очищения» (с. 103). Чистота и красота, которые, как считалось, давали бальзамы на основе фекалий (например, младенческих), приближают человека к идее божественной чистоты: от полинезийского культа отходов Великого Ламы, где ребенок носил имя дерьма своего святого покровителя (с. 106), до сакральности отходов священнослужителей в западной «эксcrementальной литературе» XIX века. Так, если поставить в один ряд три подзаголовка пятой главы, обнажится логика авторской мысли, равно как и суть всей главы: «Отчего я так прекрасна? Оттого, что дерьмо очищает меня от божественного дерьма». Косметический дискурс лишь упрочивает скатологическую антропоцентричность, провозглашая «превосходство человеческих выбросов над выбросами других божьих тварей» (с. 111).

К главной цели цивилизации — создавать общественно-полезные ценности, соблюдая фрейдовскую триаду «чистота, порядок, красота», — Лапорт добавляет получение удовольствия и закрепляет дихотомию языковой и биополитики: «Из дерьма возникло сокровище: сокровище языка, короля и государства» (с. 27). Пожалуй, к книге Лапорта в целом применимы его собственные формулировки, которыми он описывает анализируемые тексты. Например, об одном из медицинских сочинений Этьена-Франсуа Жоффруа он пишет: «...В конечном счете его истинность менее важна по сравнению с той структурой дискурсивной ткани, которую он порождает» (с. 102). С одной стороны, эта структура, матрица нового дискурсивного языка¹⁵, который формирует Лапорт, в силу мощной и хлесткой скатологической образности¹⁶ обладает существенным подрывным потенциалом политической критики и социального обличения, ведь «язык и золото всегда отрицают свои контакты с низменным» (с. 30). С другой — она дает новый способ описания явлений действительности, неожиданные векторы «культурных поворотов» и мно-

15 В качестве аналогичного, но менее вызывающего проекта можно было бы назвать теорию «либидинальной экономики» Жана-Франсуа Лиотара, см.: *Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика* / Пер. с фр. В. Лапицкого. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

16 Вероятно, поэтому издательство включило книгу в серию «радикальных антропологических исследований» (см. обложку издания).

жества точек сопряжения и приложимости. Нельзя забывать, что текст Лапорта, выражаясь образно, есть концентрат и с трудом поддается пересказу, то есть сжатию заведомо сжатого. В схожем ключе Эль-Хури, пытаясь определить «шокирующую ценность» работы Лапорта для исследовательской мысли, писал о необходимости направить «его теоретические скачки <...> в линейное и “правильное” русло» (с. 10). Сам он вкратце продемонстрировал возможность такой применимости идей Лапорта в своем введении к американскому изданию, проложив мостик от истории дерьма к истории архитектуры и градостроительства (с. 9–10). Поэтому, безусловно, «История дерьма» заслуживает не только осмысления в пространстве отечественной культурологии и философии, но и качественного издания¹⁷, над которым поработал бы редактор — учел бы авторские курсивы, привел бы цитаты по имеющимся русским переводам источников или хотя бы устранил ляпы вроде «Бартеза» (с. 103), машинно-переводного двойника Ролана Барта, а в идеальном случае еще и снабдил бы формально изящный и содержательно ценный труд Лапорта комментариями, не говоря уже о выходных данных, — пока же акт свободы остается анонимным.

---

17 К слову, Оксана Гавришина справедливо хвалила американское издание «Истории дерьма», в котором было детально продумано соотношение между «неудобностью» темы для академического дискурса и ее важностью, от него же и «ускользающей»: «...Стильный томик, который независимо (или же вопреки) рассматриваемому в нем предмету можно воспринимать как объект прекрасного: золотая обложка, продуманный шрифт, изящно расположенные на полях номера страниц и указатели иллюстраций, лаконичная стилистика самих иллюстраций (фотографий, рисунков, гравюр), завершающих каждую главу» (Гавришина О. Указ. соч. С. 592).